

**ЧЕЛОВЕК
ПРЕСТУПНЫЙ**

КЛАССИКА
КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

**МИХАИЛ
ГЕРНЕТ**

**ИНСТИНКТ
ЗАКЛЮЧЕННОГО**

**ОЧЕРКИ ТЮРЕМНОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

Человек преступный. Классика криминальной психологии

Михаил Гернет

**Инстинкт заключенного.
Очерки тюремной психологии**

«Алисторус»

2020

УДК 82-311.9
ББК 84 (2Рос=Рус)

Гернет М. Н.

Инстинкт заключенного. Очерки тюремной психологии /
М. Н. Гернет — «Алисторус», 2020 — (Человек преступный.
Классика криминальной психологии)

ISBN 978-5-907120-11-2

В XIX веке итальянский психиатр Чезаре Ломброзо предположил, что преступники отличаются от обычных людей не только мышлением, но и строением черепа. Он считал, что в тюрьмах оказываются люди лишь определенного склада и мыслят они иначе. В 1971-м году Филипп Зимбардо опроверг эту теорию, проведя знаменитый Стэнфордский тюремный эксперимент. Он разделил своих студентов на две группы: заключенных и надзирателей. Через несколько дней эксперимент пришлось остановить из-за случаев неоправданной жестокости «надзирателей» по отношению к «заключенным». Этот эксперимент доказал лишь один социальный закон: человек всегда принимает правила игры. Чем больше ограничивается свобода человека, тем более управляемым и послушным он становится. Тем больше агрессии он проявляет к своим сокамерникам. Как ведет себя человек, оказавшийся в заключении? Как меняется его психика? И как он затем адаптируется в социуме? Об этом читайте в книге очерков тюремной психологии.

УДК 82-311.9
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-907120-11-2

© Гернет М. Н., 2020

© Алисторус, 2020

Содержание

Михаил Гернет	6
Предисловие	6
Общение в тюрьме	7
Тоска в тюрьме	9
Тюремные развлечения	11
Половая жизнь в тюрьме	15
Психология переписки и свиданий в тюрьме	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Михаил Гернет

В тюрьме. Очерки тюремной психологии

Предисловие

Здесь представлен цикл статей «Очерки тюремной психологии» выдающегося русского советского юриста, крупнейшего специалиста в области уголовного и исправительно-трудового права, истории уголовной политики, тюремного дела Михаила Николаевича Гернета. Несмотря на специфический объект исследования, работы профессора М. Н. Гернета всегда отличал яркий, образный слог, что особенно проявилось в представленной серии его статей по тюремной психологии.

М. Гернет посвятил свою жизнь занятию «неблагородному» и неблагодарному – изучению психологии преступника. Перу Гернета принадлежит огромное количество работ по вопросам уголовного права, уголовной статистики, криминологии и пенитенциарии. Наиболее известно среди специалистов его исследование «История царской тюрьмы» в пяти томах. «Не спертый и тяжелый дух в тюремной камере, не количество воздуха, приходящееся на арестанта, интересует автора настоящих строк, а живая душа человека, заключенного в тюрьму, с особенностями его переживаний за высокими стенами, за крепкими дверями, под охраной внутренней и внешней стражи», – написал Гернет в предисловии к первому изданию очерков тюремной психологии

Всю жизнь боролся Михаил Николаевич с «тюрьмоведцами» – так он называл людей, верящих в спасение общества лишь посредством крепких, надежных замков. Сам же видел будущее не в создании «усовершенствованных тюрем», а в разрушении тюрьмы и замене ее социальной клиникой. «Простой расчет государственной и нашей общей выгоды требует этого», – кричит современникам каждая строчка его книги. Разве для нас это не актуально? Можно ли усовершенствовать исправительную систему, не ведая, что творится за решетками?

Очерки последовательно печатались в 1923–1924 годах в каждом номере московского издания «Право и жизнь: Журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства». Затем они были изданы в 1925 г. отдельной книгой под названием «В тюрьме. Очерки тюремной психологии».

Здесь представлены отдельные главы очерков профессора Гернета по изданию 1925 года.

Общение в тюрьме

В мировой истории тюрьмы был момент такого резкого перехода к новым основам всего тюремного дела, совершенно противоположным прежним, что есть полная возможность говорить о настоящем перевороте в тюрьме. Это случилось в конце 18 века.

В основу реформы был положен принцип изоляции заключенного от других арестантов и от внешнего не тюремного мира. Надеялись, что, когда крепко замкнутся двери тюремных камер, широко раскроются сердца заключенных и воспримут все хорошее и доброе. Верили, что, лишенный общения с другими заключенными, арестант вступит в общение с самим богом и в водворившейся тишине новой тюрьмы будет чутко слушать его голос о повиновении власти и закону. Изоляция и молчание легли в основание тюремного переустройства большинства стран, но не в одинаковой мере.

За нарушение обязанности молчания тюремные правила грозят суровыми взысканиями, и, несмотря на это, едва ли какое-либо правило тюремной дисциплины нарушается чаще, чем запрещение общения. Стремление к нему непоборимо, а страдания, испытываемые арестантом от его разобщения с другими заключенными и со всем внетюремным миром, тяжело отзываются на психике как политического, так и общеуголовного преступника.

Стремление к запретному общению начинается у заключенного с той же самой минуты, когда за ним захлопывается дверь его одиночной камеры. Его хотят оставить здесь одного с его мыслями и чувствами. Но не один он побывал в этой камере; целый ряд невольных жильцов прошел через нее, проведя в ней дни, недели, месяцы, а может быть, и годы. И новый обитатель почти сейчас же принимается за поиски следов пребывания здесь прежних. Он ищет на стенах надписей, фамилий и почти всегда их находит. Эти нацарапанные и спрятанные то в углах, то низко у пола, то высоко у потолка имена как бы населяют камеру узника, создавая у нового обитателя иллюзию превращения ее из одиночной в общую.

Но, зорко всматриваясь в стену, арестант вместе с тем чутко прислушивается к ней. Он знает, что почти наверное за нею, в такой же, как у него, одиночной камере, также кто-нибудь заперт. Слух же у одиночно заключенных достигает удивительной силы. Это одна из особенностей тюремной психологии. Без перестукивания арестантов нет тюрьмы в мире. Никакие стены не могут помешать в этом отношении заключенным. Никакие наказания не могут остановить их. Даже режим Петропавловской и Шлиссельбургской крепости Оказался бессильным уничтожить этот способ общения в тюрьме. Смотритель Шлиссельбургской тюрьмы (Соколов – «Ирод»), отчаявшись в успехе заставить карцером замолчать перестукивавшихся, снабжал дежурных жандармов печными заслонками и поленьями дров, размещал их по незапертым камерам и приказывал стучать заслонками и бить поленьями в стены камер, чтобы заглушить перестукивание узников. Но все оказывалось напрасным: стучали из камер, стучали из карцеров, стучали даже на прогулках в одиночных двориках. Он размещал заключенных так, что между камерами «неисправимых стукальщиков» были посажены больные. Он рассчитывал, что стукальщики «пожалуют товарищей, не захотят раздражать их и беспокоить их своим стуком». Но соображения его оказались ошибочными. Стучали и сами больные, и даже умиравшие. Тригони вспоминает, как в Алексеевском равелине больной Ланганс, уже не будучи в силах встать с койки, стучал ему башмаком об пол, а Тригони отвечал умиравшему стуком в стену. В этом же равелине Поливанов, перестукивавшийся с товарищем, стучал, чтобы быть услышанным только им, суставом пальца, прикладывая ухо вплотную к стене. На суставе пальца образовывалась мозоль, а на сырой, заплесневшей стене получался отпечаток уха, который и не ускользнул от бдительного внимания смотрителя равелина. Для перестукивания заключенными употреблялось «новое» правописание за несколько десятков лет раньше, чем оно было введено официально в России: буквы Ъ, Ь, І, Ѳ, а также и Э были исключены

из алфавита, остальные же буквы были разбиты на шесть строк по пяти букв в каждой, кроме последней в три буквы:

- 1) а б в г д
- 2) е ж з и к
- 3) л м н о п
- 4) р с т у ф
- 5) х ц ч ш щ
- 6) ы ю я.

При перестукивании выстукивается сначала та строка, в которой находится буква, а затем выбирается число ударов, соответствующее месту буквы в строке. Таким образом для выстукивания вопроса: «кто вы», – придется сделать следующие числа ударов: 254334 1361

Какие чувства испытывает при этом способе общения заключенный? Пока новичок, не знакомый с алфавитом перестукивания, не узнал его, он испытывает муки Тантала: товарищ так близко от него, так упорно зовет его, о чем-то спрашивает его, а он бессилен понять его и ответить ему. Но вот, путем ли собственного разumenья, или благодаря подброшенной записке, он постиг тайну нового языка, на котором заставляет его говорить его одиночное заключение. Первоначально это перестукивание – настоящий лепет младенца, доставляющий заключенному соседу по камере такую же радость, какую доставляют нам первые слова научившегося говорить ребенка. Стена одиночной камеры становится сообщницей недозволенного общения. В борьбе с системой молчания заключенные изобрели такой способ общения между собою, который дает возможность разговаривать сидящим даже в разных этажах тюрьмы и при том нескольким человекам сразу. Наиболее раннее упоминание об этом способе мы нашли в воспоминаниях Брешковской, относящихся к 1877 г. Она называет изобретателями политических узников мужчин, заключенных тогда в Петербургскую одиночную тюрьму (т. н. «Кресты»). В каждой камере этой тюрьмы имелось судно с трубой для стока нечистот, входившее в одну общую канализационную систему. Заключенные, очистив трубу струей воды, выкачивали из этой трубы остатки воды посредством палки, обернутой тряпкой. Очищенные таким образом трубы служили как бы телефоном; отверстие судна заменяло трубку телефона, и голоса были слышны прекрасно без всякого напряжения говоривших.

Заключенные звали такой способ общения «клубом», а «итти в клуб» означало итти к ватер-клозетной трубе. Не показывает ли это название стремление заключенных создать себе иллюзию наличности у себя в тюрьме того, чем обладает лишь свободная жизнь? В секретном циркуляре главного тюремного управления о тайных сношениях арестантов между собою и с посторонними лицами указывается, что эти сношения происходят с помощью ниток с навязанными узелками, посредством полотенца с прошитым по краям условным швом, с помощью обуви, на которой особенно расставлены гвозди, и пр.

Но эти способы заменяют уже не живую речь, а письменные сношения заключенных. При запрещении переписки арестантов они чаще всего пользуются книгами из тюремной библиотеки и, отмечая в них точками буквы, составляют таким образом нужные слова и фразы. Создав свой живой разговорный язык знаков, перестукивания и пр., тюрьма не могла обойтись и без создания своей письменности. Ломброзо, отмечая сходство письменности арестантов с древними иероглифами, видел в этом доказательство атавистического происхождения преступности. Приводимый им в виде примера образчик письменности преступников, действительно, напоминает иероглифы. В указанном нами секретном «наставлении» описано еще шесть способов письменных сношений, при которых цифры изображают черточками, точками и т. п. Но, изучив эти «новые» языки, заключенный иногда теряет способность естественной речи или, по крайней мере, охоту к речи, становясь угрюмым и неразговорчивым.

Тоска в тюрьме

Если бы нужно было указать самую характерную черту тюремной психологии, то отыскать ее было бы очень нетрудно; она слишком на виду у всех, нисколько не скрываясь, она слишком бросается в глаза всякому, даже и невнимательному наблюдателю. Размеры ее и яркость ее проявления на тусклом сером фоне одиночной и общей камеры тюрьмы невольно приковывают к ней взоры. Эта черта – скука, тоска, тоска – краеугольный камень, фундамент всей тюремной жизни. Это – тоска от гнетущего однообразия всего уклада жизни «Мертвого Дома», «Кладбища живых».

Свою особую печать скука накладывает на всех арестантов через очень короткое время после их заключения. Конопницкая уверяет, что через два года все арестанты похожи один на другого. Только самым сильным удастся сохранить свою индивидуальность, ноне далее третьего года заключения, после чего походка у всех становится тяжелой, медлительной, движения вялыми, неуклюжими, цвет лица глинистым. Немецкий уголовный арестант, даже и не пытающийся вести тюремного дневника, сумел охарактеризовать убивающую скуку заточенья одною короткою фразою: «здесь живешь от чая до обеда и от обеда до ужина». С нетерпением ждать обеда и ужина заставляет не физический, а душевный голод: доставка в камеру пищи получает характер такого события, которое, хотя бы в некоторой степени, нарушает тюремное однообразие.

В наших руках был номер нелегального рукописного тюремного журнала, выходившего в Бутырской тюрьме в начале девятисотых годов. Обращаясь к читателю на свободе, автор статьи говорит: «О, вы понятия не имеете как о темах тюремных споров, так и о том жаре и запальчивости, с какими спорят арестанты... Вы знаете, отчего это? Как звери в клетке, ходим мы целый день по камере. Ходим, сталкиваемся друг с другом, готовые вспылить по малейшему поводу. За долгие годы неволи в нас не осталось ни одного здорового нерва. Они натянулись до последней степени. Вид, слово, жест сокамерника раздражает до желания кричать, ударить... И ходишь, и бегаешь от стены к стене, расхаживаешь тоску свою физическим утомлением, стараясь подавить гложущего каждого из нас червяка. Но вот, кем-то брошена случайная фраза... Кто-то возразил. И спор готов. Как голодные звери набрасываемся друг на друга, все зараз. В камере сразу становится шумно, кричат, волнуются, перебивают друг друга... Тоска ведь, тоска тоскущая... С горя, с тоски, с невыразимой тоски по «воле», по вольному ветру, широкому простору, колосающему полю, с тоски по свежему человеку, по новой книжке, с тоски по здоровой и захватывающей работе, с тоски тоскущей спорим мы, ссоримся, бранимся... О, какая тоска. Тоска-а-а».

Этот стон несется из общей камеры политических заключенных Бутырской тюрьмы (1907 г.?). Таких «письменных документов» тюремной скуки нам не дает общая камера уголовных арестантов. Но это совсем не означает, что скука не переступает за порог этой камеры, что где-нибудь в тюрьме есть такой уголок, на который не распространяется во всей ее полноте власть царства тюремной скуки. Скука царит везде: и там, где заключенные, не занятые никаким трудом, слоняются из угла в угол или лежат по койкам, но также и там, где они работают у машин, быстро приводимых в движение силою пара или электричества и создающих иллюзию деятельной жизни этих «каторжников», методически, размеренно совершающих несложные, однообразные движения в течение всего долгого рабочего тюремного дня. С внешней стороны эта работа у машин нисколько не отличается от работы свободных рабочих, так же как не отличается от нее распространенное в тюремных камерах занятие клеем конвертов, бумажных пакетов, приготовление коробок, укладка товара в коробочки, оклеивание бандеролью и т. п. Но на общем фоне тюремной жизни каждый новый день, который повторяет с пунктуальною и фотографическою точностью предшествующий день и, поэтому, не является в сущности

новым днем, в тюремный труд не только не вносит оживления, но является лишь одним из звеньев длинной цепи утомительно-скучного тюремного однообразия. С таким «выпадением из жизни» ряда лет не может примириться сколько-нибудь здоровый человек. Вот почему в тюрьме, и особенно с того самого момента, когда в ней вводится так называемый «тюремный режим», убивающий своим однообразием, начинается бесконечная борьба заключенных против скуки общего и одиночного заточения, за «тюремные развлечения».

Тюремные развлечения

Тюрьма не притязательна и там, где она не в силах перенести к себе развлечения свободных, живущих на воле, довольствуется подделкой. В таких случаях психология развлекающегося тюремного мира напоминает психологию ребенка. Как ребенку палка заменяет лошадку, как дождевая лужа представляется ему настоящим морем, а плавающая по этой луже щепка кажется кораблем, так и для арестанта всегдашний обитатель тюремных стен и коек – клоп – превращается в «бекаса», а не менее постоянная обительница тюрьмы – вошь – становится «рысаком», и арестант устраивает на потеху себе «бекасную охоту» и «бега».

Если бы в общей камере отчаяние не сдерживалось, а испытываемое арестантами чувство тоски свободно ими проявлялось, то не у многих нашлись бы силы продолжать свое существование.

Что касается спорта в тюрьме, то, как и на воле, он выливается в разнообразные формы состязания. В словаре тюремного жаргона, составленном Трахтенбергом, мы находим описание одного из видов спорта. Средством развлечения послужила тюремному миру обычная обительница тюрьмы – вошь. Это насекомое, не без некоторого остроумия, зовется в тюрьме, вследствие своей дородности и неповоротливости, «купчихою». Игра состоит в испытании бега «купчих», превращающихся на этот раз в «рысаков». Она носит столько же спортивный, сколько и азартный характер. Хозяева-собственники тех конюшен, которые вырастили этих своеобразных рысаков, проигрывают и выигрывают целые «состояния». Как и при бегах и скачках на воле, здесь работает тотализатор.

Для состязания выбирают по возможности одинаковых «купчих» из числа тех, о которых арестанты говорят, что «в фунте их пять штук». Хозяева этих рысаков берут по глиняной кружке, края которых обмазываются чем-нибудь липким, и одновременно покрывают ими «купчих» на нарах, причем каждый партнер покрывает не свою «купчиху», а принадлежащую партнеру. Через некоторое время кружки одновременно приподнимаются, и партнеры смотрят, чей рысак успел добраться до края кружки и прилипнуть к нему. Выигравшим считается тот партнер, «купчиха» которого выказала наибольшую резвость, и, кроме выигрыша ставки, слава венчает его конюшню. Свободная жизнь этого спорта не знает. Те самые заключенные, которые увлекались им в стенах неволи, забывают его, покинув эти стены. Какой глубокой иронией звучит для нас наименование «исправительными» тех тюрем, где существуют такие «здоровые» и «возвышающие» или подобные им развлечения мира заключенных.

В тюрьме приходится развлекать себя и тем, что на воле, наоборот, портит настроение – ругань. Это – тоже вид спорта. Как и всякий другой турнир, эта словесная дуэль происходит перед публикой, перед народом, свидетелями. Слава венчает победителя, насмешки провожают побежденного. Чтобы стать спортом, такая брань не должна состоять в употреблении слов из богатого лексикона обычных тюремных ругательств. Такие обычные ругательства слишком привычны для арестантского уха и пролетают мимо него, не оставляя впечатления ни для ума, ни для сердца. Они нисколько не нарушают тюремной обыденности. Лишь «виртуозное» сочетание бранных слов или разные экспромты бранящихся способны возвести ругань на степень спорта и привлечь к ней внимание остальных заключенных. На обычную же брань арестанты совершенно хладнокровно отвечают такою же, и если бы кто-нибудь поступил иначе и начал бы сердиться, то тюрьма сказала бы о нем на своем жаргоне, что он лезет в «пузырек».

А тюремные инструкции, начиная с первой и кончая последней, строго запрещают в тюрьме драки, брань и укоризны. Острог без всего этого не живет не только ввиду особенностей своего населения, но и вследствие условий острожной жизни, тяжелой своим однообразием и ожесточающей своим режимом. Сама тюремная администрация до последнего времени не умела обходиться в местах заключения без тех крепких словечек, произнесение которых нару-

шает благопристойность и подходит под статьи уголовного закона. Но как ни были громки и сильны эти непристойные выражения, тюремные стены всегда оказывались достаточно крепкими, чтобы заглушить эту ругань и не дать ей вырваться на волю. При наличии таких «воспитателей», помимо всех других условий, ругань должна была расцветать в тюрьмах пышным цветом.

Более активное участие принимает тюрьма в другом развлечении, описание которого дает уже цитированный нами Трахтенберг, – бекасиной охоте. Именем «бекаса», дорогой для охотников дичи, заключенные зовут клопа, а под именем бекасиной охоты известна охота арестантов на клопов. К этой охоте своевременно делаются приготовления: в тюремных стенах просверливается несколько глубоких дыр, запасаются хлебным мякишем, избирается особый распорядитель охоты, назначаются охотники и отводятся им места у дыр и щелей в стене. Когда, после того, как огни потушены в камерах и клопы повылезли из своих щелей, раздается команда распоряжающегося охотой «пли», сразу зажигается несколько огарков, заключенные вскакивают со своих нар, поднимают шум, а испуганные внезапным шумом и светом клопы забираются в заготовленные для них дыры, которые охотник, по мере их заполнения «бекасами», и законопачивает мякишем хлеба. По окончании охоты заключенные поют «убиенным» нечто вроде «вечной памяти».

Больше движения, чем бекасиная охота, дает охота на крыс. Брейтман дает описание такой охоты. Крысу выманивают с помощью кусочка сала, положенного на некотором расстоянии от дыры, которую сейчас же и затыкает приставленный к ней часовой. И начинается бешеная погоня всей камеры за крысою: за ней бегают, забрасывают ее халатами, шапками. Когда она поймана, ее удавливают, сдирают с нее шкуру, сушат ее, выделывают, но так как она никуда не нужна даже в тюрьме, то в конце концов выбрасывают.

Одной из любимых игр были жмурки. Как и в датской игре в «жмурки», арестант с завязанными глазами должен был кого-нибудь поймать из играющих. Но, сравнительно с детскими жмурками, у тюремных жмурок была своя особенность: все играющие, кроме играющего с завязанными глазами, вооружались жгутами и немилосердно хлестали ими его, пока ему не удавалось поймать кого-нибудь из своих палачей и поставить его на свое место. «В конце игры почти у всех рубцы и кровоподтеки, но арестанты любили игру: «она кровь разбивает, что твоя баня».

Что касается описываемых Мелыниным игр в «ложки» и «банки», они еще не отошли в область прошлого. На этих двух играх сказываются и грубость нравов русского уголовного каторжника, и полное отсутствие разумных развлечений на каторге, и жестокость каторжного режима. Они сами по себе не были подвижными в настоящем смысле слова, но становились такими вследствие сопротивления того, кому давали «ложки» или срубали «банки». При срубании «банок» поднимали рубашку, стягивали на животе кожу, захватывая ее рукою, а другой ударяли по этой оттянутой коже так, что она багровела, и после второй банки уже могла брызнуть кровь. При задавании «ложек» импровизированный палач плевал на оголенный живот жертвы, растирал плевки и с криком «поддержись, ожгу» ударял ложкою по этому месту. В описываемом автором случае живот посинел и вспух с одного удара.

Самое распространенное из всех тюремных развлечений – азартные игры. Тюрьма создает для их развития особенно благоприятные условия. Те общие причины, которые, например, обуславливают карточные игры на воле, сильнее действуют внутри тюремных стен. Здесь тюремное безделье и однообразие жизни длятся иногда целыми месяцами и годами. Если обыватели какого-нибудь провинциального городка, по общему правилу, убивают вечера карточной игрою, то тюрьма не знает, как убить время в течение всего дня. Если на воле «интерес» выигрыша лежит в основе даже и таких игр, где ставки игроков очень незначительны, то в тюрьме игра, кроме удовлетворения азарта, становится чем-то вроде профессии, вокруг которой создаются разные подсобные занятия. Иногда азартная игра в тюрьме является для арестанта

станта единственной надеждою приобрести деньги, вещи, удовольствия, лучшее питание и пр. Некоторые из наблюдателей арестантской жизни даже думают, что карточная игра в тюрьме является не забавою, а работою. Это верно лишь отчасти, по отношению к некоторым категориям заключенных, поскольку они, сами не принимая участия в игре, тем не менее живут этою игрою, «кормятся» около нее. Но это не мешает им принять самим участие в игре при малейшей к тому возможности, как только найдется, чем можно рискнуть в игре. Доход от карточной игры получает владелец колоды карт, получающий процент с выигрыша, и арестанты, становящиеся на «стрему», т. е. на стражу, чтобы вовремя предупредить игроков о приближении надзирателя.

При затруднительности доступа в тюрьмы настоящих игровых карт они изготавливаются там собственными силами заключенных. Так появляется новая отрасль труда в тюрьме по изготовлению карт. Наиболее распространенное название карт – «святцы». Каждая карта имеет свое особое название. Короля зовут «бардадымом», туза – «господином Блиновым», валета – «солдатом», даму – «мазихой», двойку – «Дунькою», низшие карты от двойки до шестерки зовутся «молодками» и т. п. Из карточных игр ранее в тюрьме были распространены: «в три листика», «подкаретная», «одно», «юрцевка», а теперь – 21, «железка». Это все азартные игры. Так называемые «коммерческие» игры, требующие не счастья, а умения, в тюрьме не в ходу.

Проигрывается здесь все: деньги, табак, платье, не исключая казенного, арестантские пайки, порции, будущие получки денег и пр.

Подлежавшие ссылке проигрывали своих жен и любовниц. Проигравшиеся становятся тюремными пролетариями, «жиганами», опускаются на самую низшую ступень падения, становятся «девками», лезут «в девичью, под нары», торговать собою.

Уплата карточного долга считается здесь, как и на воле, долгом чести. Банкроты, оказывающиеся не в силах расплатиться, спасаются в «лягавую» камеру. Так называется камера, где спасаются от преследования заключенных и от их мести арестанты-шпионы, исполнявшие обязанности палачей. По словам одного из авторов тюремных воспоминаний предреволюционного времени, под влиянием наплыва таких банкротов в «камеры лягавых» изменилось и самое отношение тюрьмы к таким камерам в сторону смягчения. Отсюда для неоплатного плательщика не закрыто возвращение в общие камеры при тех или иных условиях.

На почве карточных игр в тюрьме происходят кровавые столкновения. Смертным боем бьют обнаруженных шулеров, хотя ловкое шулерство отнюдь не осуждается тюремною моралью.

Но если для выделки карт арестант не жалеет своей крови, то нет ничего удивительного, что запрещение карточной игры остается пустым звуком.

В таком же положении находятся в тюрьме и другие азартные игры: например, в кости, шашки, юлу и др. При неприхотливости и невзыскательности арестантов тюремное искусство всегда умеет создать принадлежности для этих игр. Так, шашечная доска вычерчивается на бумаге или прямо на нарах, вырезается на столе, шашки заменяются клочками белой и заштрихованной бумаги или делаются из мякиша черного и белого хлеба.

Азартной игрою является также «ремешок», или «петля». Ремешок, а при его отсутствии и простая веревочка, складывается таким образом, что получается как будто бы очень большое количество петель. В действительности же имеется лишь одна петля, и задачей игрока является попасть в петлю. При попадании он выигрывает ставку. Мошенничество развито и при этой игре.

С чувством глубокого удовлетворения мы констатируем, что театральные представления, прокатившиеся волною по всей России, захватив и глухие местечки далекой провинции, вот уже пять лет как получили законный доступ в наши места заключения. При уже известной нам жажде заключенных к развлечениям и при предоставленной им свободе самообслуживания в отношении устройства театральных зрелищ последние получили самое широкое распро-

странение (так, в местах заключения, в которых состоит до 2/3 всего тюремного населения, за 1922 г. было 3650 спектаклей, вечеров, концертов и т. п.) Очень нелегко приспособить для театра костюмы, декорации, запастись бутафорскими принадлежностями, довести представление до конца, без помехи. Вот почему представления, так сказать, чисто театральные – большая редкость в дореволюционной тюрьме. Но совсем отказаться от них тюрьма не хотела, время от времени тешила себя также ими; довольствуясь, как и во всех остальных случаях, малым, она создает себе забаву из зрелищ, которые имеют лишь очень отдаленное сходство с театральными представлениями. В таких случаях представление нередко принимало жестокий и безнравственный характер. Своеобразные спектакли давали пищу самым низменным чувствам не только арестантов, но и охранявшей их страже: тюремная скука как бы объединяла и тех и других в борьбе с нею. Мария Шеффер, заключенная в Виленскую женскую тюрьму, описывает одну из таких забав, которую устраивали надзирательницы на потеху себе и арестанток. Среди заключенных содержалась безумная. Младшая надзирательница выманивала ее из камеры в коридор куском хлеба. С жадностью кидалась арестантка на приманку, но надзирательница сейчас же вырывала у нее хлеб обратно. Безумная разражалась ругательствами на своем родном литовском языке. Брань тут же переводилась младшею надзирательницею старшей, и этим спектакль заканчивался.

Так сама тюрьма стирала различие между теми, кому было поручено дело «исправления» преступников, и теми, кто подлежал исправлению. Мне припоминается здесь еще одна жестокая забава, появление которой среди арестантов вполне объясняется также самым тюремным режимом: арестанты развлекались превращением пойманных ими голубей в «каторжников». Они выполняли над ними то самое, что предписывалось исполнять над теми из них самих, кто подлежал ссылке в каторжные работы, – выбривали голубям половину головы и надевали им на ноги кандалы из ниток.

Самый распространенный вид представлений – «судебные репетиции». О них говорит еще Ядринцев и подробно описывает Брейтман.

По описанию последнего, они являются довольно точным изображением настоящих процессов. Среди арестантов выбирают актеры на все судебные должности: председателя суда, двух «безгласных» (члены суда), 12 «шаферов», т. е. присяжных заседателей, прокурора и защитника. Прения сторон – «грызня» – доставляют особое удовольствие публике. Ядринцев отмечает, что развлекавшиеся судебными представлениями арестанты постоянно сочиняли друг на друга обвинения, чтобы поразвлечься спектаклем суда. С музыкою в тюрьме повторяется то же, что происходит с театром. В них видят развлечение, но не видят, что они вместе с тем – могучее воспитательное средство. От скольких бы нравственных безобразий была спасена тюрьма, насколько бы там было меньше разврата, если б там завели свой арестантский оркестр и если бы легализовали арестантское пение. Борьба с пением в тюрьме никогда не достигала успеха. Тюрьма пела хором, пели арестанты соло. Никакие строгости не могли заставить песню затихнуть, исчезнуть. Громко неслась по всему пути ссылки старинная песня колодников «Милосердная». Одни песни уступали место другим. Репертуар менялся. Но все дошедшие до нас от различных годов описания тюремной песни говорят о потрясающем впечатлении, производимом ею на слушателей. Через вереницу годов прошла какая-то одна щемящая нота тюремных мотивов.

Половая жизнь в тюрьме

Изучение тех условий, среди которых протекает в одиночных и общих камерах половая жизнь арестантов, раскрывает перед нами отвратительнейшие картины разврата в тюрьме в одиночку, парами и безобразнейшие сцены общих оргий. В значительном большинстве случаев тюремные обитатели принадлежали до их заключения к таким группам населения, где требования половой морали или совсем отсутствовали, или были сведены к самым простым, можно сказать, почти первобытным. Постоянное пьянство еще более способствовало развитию их разврата, и на рынке продажной любви к услугам такого потребителя всегда являлось предложение на всякие цены и всякого рода. Попав внутрь тюремных стен, представители мира преступлений и разврата отнюдь не склонны отказываться от своих «удовольствий». Условия же жизни в тюрьме, как в одиночной, так и в общей камере, не только не удерживают, но, наоборот, способствуют разврату, тюремное бездействие, отсутствие всяких развлечений и скука направляют внимание арестанта в сторону полового чувства, на поиски хотя бы грязных способов удовлетворения этого чувства. «Половой вопрос» становится одной из любимых тем разговоров арестантов в общей тюрьме, но он же не выходит из головы и у одиночного заключенного.

В настоящее время мужские и женские тюрьмы строятся не только совершенно обособленно одни от других, но и на разных концах города. Там же, где они находятся на одном дворе или на близком между собою расстоянии, тюремная администрация оказывается совершенно бессильною помешать любовному общению заключенных арестантов и арестанток: знакомства завязываются с поразительною быстротою посредством мимики, перекрикиванием, посредством переписки и даже личными встречами, которые удаются не так редко, несмотря на все тюремные засовы и запреты. Завязываются романы. В поисках за успехом у намеченного предмета «любви» прибегают к обычным в таких случаях средствам: комплиентам, маленьким подаркам, в виде табаку, чаю, сахара и проч. Уверения в верности до гроба сменяются сценами ревности и острожною бранью.

В записках арестанта Александра Малахова есть небольшой очерк, под заглавием «Женщины». Автор удивительно ярко вскрывает психологию изголодавшихся самцов-арестантов, когда, по случаю ремонта женской тюрьмы, в камеры рядом с ними, в одном и том же коридоре, поместили несколько десятков арестанток. Мужчины прямо взбесились. Они рвались к женским камерам, «ржали, хрюкали, дрожали, как индюки». Восточный люд, населяющий корпус, окончательно сходил с ума: двадцать два горца готовы были выбить двери в камеры женщин и ринуться туда скопом; косой, высокий армянин, Саркис Барбаньянц, окончательно закатил под лоб глаза и, не видя уже ни женщин, ни надзирателей, бросал записки в женские камеры, которые он находил по инстинкту; за эти подвиги он получал затрещины и, наконец, попал в карцер. Грек Онуфрий Попандопуло высказывал склонность к тихому эротическому помешательству, а завоеватель Константинополя, турок Сулейман-Оглы, свирепо поводил на всех черными вытаращенными глазами, в которых сверкало явное бешеное помешательство и «дикая страсть». А когда женщин увели, арестанты гурьбою бросались в освободившиеся камеры, нюхая воздух, к еще теплым нарам, где сидели и лежали женщины.

Но главное зло тюрьмы – противоестественный разврат во всех его видах. В одиночных камерах развит до невероятных размеров онанизм, который мало и скрывается.

В общих же камерах развита педерастия в форме парного сожительства, наподобие брачного, и в форме проституции, когда пассивные педерасты предоставляют себя всем желающим за сходную цену.

Часть арестантов приходит в тюрьму уже зараженная этим пороком, но наибольшая часть их развращается здесь, в самой тюрьме. Выработалась целая система приемов развращения

молодых арестантов более пожилыми рецидивистами. Все пускается в ход: и подкуп, и соблазн предоставлением своих порций, обещание своего покровительства и защиты, застрашивание и прямое насилие... У пассивных педерастов вырабатывается своя особая психология, напоминающая женскую. Они следят за своею наружностью, не прочь помадиться и краситься. Торгующие собою ведут себя, как проститутки, вплоть до традиционного начала знакомства просьбою дать покурить. Пассивных педерастов зовут в тюрьме всегда женскими именами. Пока «падение» не совершилось, за ними «ухаживают», исполняют их желания и капризы, кормят их лакомствами, а затем глубоко их презирают, в прямом смысле плюют на них. В то же время активные педерасты не только не вызывают к себе презрения, но, наоборот, пользуются даже особым влиянием в тюрьме.

В глазах большинства заключенных, даже не знавших этого порока на воле, педерастия перестает быть пороком. Может быть, этим и особым развитием в местах заключения половой страсти можно объяснить те факты, когда на глазах всей тюремной камеры насилуется молодой арестант и четырнадцать арестантов последовательно один за другим, в течение ночи, совершают над ним акты этого насилия. «Общество активных педерастов при тюрьме» обрисовывает перед нами своеобразную психологическую черту половой морали в тюрьме и вообще тюремной психологии. Такое общество – плод тюремной скуки и усиленного внимания заключенных к половому чувству. Образовавшееся в 1895 году, это тайное общество имело, кроме председателя, своего особого секретаря и казначея. Цель его «служить наиболее успешному удовлетворению полового чувства его членов, для чего обществу сообщались имена пассивных педерастов и заболевших из них заразными болезнями, оказывалась помощь заболевшим и дисциплинарно наказанным товарищам и умерялась жадность тюремных дам». При вступлении в Общество каждый новый член вносит особый взнос табаком, какими-нибудь продуктами и пр. Среди членов общества не было ревности: они занимались этим, по их словам, «за неимением лучшего».

Погоня за новыми переживаниями, половая пресыщенность, глубокая развращенность вызывают, вслед за педерастией, и другие, еще более тяжелые формы разврата. Директор парижской тюрьмы Ля-Санте, в бытность его директором земледельческой пенитенциарной колонии, приказал удалить оттуда всех собак, так как арестанты совершали над ними акты скотоложства, наделяя их при этом всевозможными болезнями половых органов. Также проходит половая жизнь и в женских тюрьмах. Есть все основания утверждать это, несмотря на очень слабую осведомленность об этом в литературе.

Среди собранных мною материалов по этому вопросу имеется два документа. Один из них представляет довольно пространное описание (уголовной) арестанткою московской женской тюрьмы ее наблюдений за половую жизнью заключенных в этой тюрьме женщин, а другой – письмо к ней арестантки по выходе на свободу. В первом документе, который, по соображениям морального характера, не может быть полностью воспроизведен здесь, автор описывает «приставание» к ней другой заключенной из числа «ковырялок»: так зовутся на жаргоне тюрьмы женщины-трибады, исполняющие, при противоестественных отношениях с товарками по заключению, роль мужчин. По словам нашей корреспондентки, эти женщины «имеют все выходки мужчин и ходят, и причесываются, как мужчины, и курят, и носят рубашки-косоворотки, подпоясанные шнурком». Ухаживание начиналось с записок, с уверений в безумной любви и просьб никому не принадлежать. В записках она писала, что целует ее маленький ротик и глазки и хочет всю расцеловать.

Но в наши цели не входит выяснение в подробностях характера этих ненормальных половых сношении в тюрьме. Нашей задачей было лишь показать, что они неизбежно развиваются в обстановке тюремного заключения, что омерзительные, во всей их противоестественности, они находятся в полном соответствии с противоестественностью самого тюремного режима.

Психология переписки и свиданий в тюрьме

«Нужно связать заключенных с людьми, с обществом. Вместо этого их совершенно отделяют от людей, полностью отрывают от общества и даже удаляют их от их семей».

Карл Либкнехт. Против наказаний лишением свободы. Проект, составленный им в тюрьме весной 1918 г.

Переписка и свидания вот две формы общения людей между собою на свободе и в тюрьме, но как они различны в условиях свободной и подбивной жизни! На свободе прогресс несет с собою каждый год все новые и новые способы человеческого общения. Не умолкая днем и ночью, гудят проволоки телеграфа, давая возможность, при помощи усовершенствованных аппаратов, пропускать по одному и тому же проводу каждую минуту громадное количество слов. Несутся в воздушном пространстве с одного конца мира на другой электрические волны радиостанций и с молниеносною быстротой, уничтожая те препятствия, которые ставят пространство и время, сообщают нам последние новости. Громадная, раскинувшаяся над городом и далеко за его пределами, сеть-паутина телефонных проводов позволяет в любое время услышать голос того, кого хочешь. Усовершенствования техники еще более облегчают возможность человеческого общения. Быстрота почтовых сношений становится поразительною: при помощи пневматической почты можно обмениваться письмами почти каждый час, и воздушная почта аэропланов разносит корреспонденцию с быстротой почти птичьего полета. Изобретены телефоны, записывающие речь. Уже возможна передача по телеграфу не только речи, но и фотографий. Одним словом, человеческое слово обладает теперь тем качеством, которое приписывалось только божеству: оно вездесуще, потому что каждый миг может быть везде. К такому же вездесущию идет, с развитием путей сообщения, и непосредственное личное общение. Но все это только на свободе.

Эти величайшие завоевания человеческого гения были сделаны для всех, но только не для тюрем, не для заключенных.

Сто с лишним лет развивается так называемое «тюремное дело» и прогресс его заключается в установлении таких правил общения заключенных с внешним миром, при наличии которых общению ставятся всякие препятствия. Не обращая никакого внимания на характер общения, не взирая на всю его естественную необходимость, тюремные регламенты, новые и старые положения о местах заключения повторяют избитые предписания, ограничивающие круг лиц, с которыми заключенный может видаться и переписываться, сводя до минимума число допускаемых свиданий, получаемых и отправляемых писем. И в то время, когда на свободе прогресс техники выдвигает уже задачу изобретения аппаратов, позволяющих не только слышать далеко говорящего, но и видеть его, здесь, в усовершенствованных тюрьмах, «прогресс» тюремного дела изобретает для свидания особые проволочные клетки и, сажая в одну из них заключенного, а в другую на полтора аршина от него пришедшего к нему на свидание, стирает этими двойными проволочными сетками черты дорогого лица и в общем гаме перекликающихся заглушает голоса разговаривающих.

В местах заключения, где все подводится под известный шаблон, где заточение всегда считается справедливою и заслуженною карою, переписка и свидания рассматриваются как исключение из общих правил тюремного режима, как такой придаток всей системы наказания лишением свобода, который лишь терпится и допускается в самых ограниченных размерах. Положения об одиночных и общих местах заключения заботятся не об укреплении и развитии здоровых связей заключенного с тем обществом, из которого он изъят, а об ограничении всякого с ним общения. Глубоко прав в этом отношении с его критикой Карл Либкнехт, слова

которого мы взяли эпиграфом нашей статьи. Они ценны для нас вдвойне: как слова заключенного в суровой исправительной немецкой тюрьме и как слова политического деятеля, который писал их, начиная именно ими свой исключаящий наказание «Проект против наказания лишением свободы».

В полном согласии с указанным нами взглядом на «терпимость» переписки и свиданий, число разрешаемых за известный срок писем и свиданий тем меньше, чем более суровым считается тот или другой вид лишения свободы. Размеры писем нередко точно фиксируются то количеством страниц бумаги определенного формата, то даже количеством строк и букв в письме. Да и свиданию отводится то или другое количество обыкновенно коротких минут, без всякого соответствия с имеющимся в тюрьме свободным временем, с количеством пришедших на свидание, с наличием служебного персонала. Формализм правил внутреннего распорядка берет верх над всякими разумными требованиями.

От взгляда на свидания и на переписку в тюрьме, лишь как на терпимые, не отказался и последний проект «Исправительно-трудового кодекса». В целом ряде статей он устанавливает ограничения свиданий и переписки, допуская для заключенных начального разряда одно свидание в две недели и отправку одного письма в неделю (ст. 143); заключенным среднего разряда предоставляется право каждую неделю одного свидания и отправки двух писем (ст. 144); заключенные высшего разряда пользуются правом трех свиданий и отправки трех писем в неделю (ст. 145). Заключенным дисциплинарного разряда разрешается по одному письму и свиданию в месяц (ст. 146). Всем заключенным, кроме высшего разряда, свидания могут быть предоставляемы лишь в особо приспособленных для этого помещениях через барьеры (от. 155). По общему правилу, свидания допускаются лишь с «близкими родственниками», а с прочими лицами лишь по особому разрешению начальников мест заключения. Ограничения и лишения переписки и свиданий предусмотрены как меры дисциплинарного воздействия на заключенных (ст. 170). Эти правила проекта исправительно-трудового кодекса во многих отношениях мягче других. Так, например, Карлу Либкнехту, как заключенному исправительной тюрьмы, разрешалось иметь свидания лишь через три месяца и писать и получать по одному письму за этот же срок. Но нас интересует не большая или меньшая строгость правил свидания и переписки в тюрьме, а принципиальный подход к этому вопросу.

Тюремные уставы по общему правилу, принятому ими сиздавна и свято ими соблюдаемому, никогда не считаются с психологией заключенного кроме только тех случаев, когда надо ущемить его, заставить его почувствовать еще сильнее, чем он чувствует всегда, тяжесть карательного режима. Тогда они умеют ударить еще сильнее, выбрать для удара самое болезненное место. Они прекрасно знают эти болезненные места и бьют по ним с каким-то садическим наслаждением. К числу таких ударов надо отнести и запрещение переписки или свиданий. Нанося эти удары, тюремщики не видят, что палка, которою они бьют, о двух концах: одним концом она бьет по арестанту, а другим по самому общественному укладу, порывая связь с ним заключенного и нередко заполняя сердце заточенного злобою и местью.

Наш настоящий очерк ставит своей задачей подойти к переписке и свиданиям в тюрьме с психологической точки зрения и попытаться выяснить в связи с ними переживания заключенного. Несомненно, что эти переживания не столь общи, как многие другие в тюрьме. Их испытывает не всякий, а лишь тот, кто имеет близких. Для того, кто на свободе пишет по одному письму в год, правила тюремной переписки, каковы бы они ни были, безразличны. Более общий характер должны носить переживания, связанные со свиданиями в местах заключения. Их не испытывает лишь тот, кто совсем одинок, у кого совсем нет близких. Впрочем, тюрьма, допуская к свиданиям лишь ближайших родных, а не друзей и вообще близких людей, искусственно создает для некоторых заключенных полную изолированность, и сама превращает их в совсем одиноких людей...

Переписка и свидания на свободе и в тюрьме глубоко различны с психологической точки зрения.

На свободе мы тысячью невидимых нитей связаны с окружающей нас обстановкою, с близкими нам людьми, с нашими друзьями и нашими недругами. Помимо тех или других форм непосредственного личного общения с ними, мы получаем сведения о них бесчисленными другими путями: то слышим о них от других, то видим их хотя бы издали при наших случайных встречах с ними, то по тем или другим основаниям знаем, что они, по крайней мере, живы.

Совсем не то в тюрьме. Здесь, где изолированность человека от мира становится первейшей задачей¹ всего тюремного режима, где, как в зачумленном месте, нет доступа ни туда, ни оттуда, и стража зорко следит не только за тем, чтобы не бежали заключенные, но и за тем, чтобы к ним не проникли непроцензурованные вести с воли, и не пришли не имеющие на то права люди, здесь все внимание заключенных концентрируется только на двух возможных формах общения на переписке и на свидании. Правда, иногда бывает возможность получить вести от приходящих на свидание к другим заключенным, но это случается редко, и о таких исключениях говорить не приходится.

Если эти два единственных источника, несущие к узнику известия, которых он постоянно жаждет, все равно, горьки ли они или сладки, иссякают хотя бы и на не очень продолжительное время, он оказывается в положении путника в безводной пустыне: жажду утолить нечем, когда найдется вода неизвестно, и мысль заключенного начинает неустанно работать только в одном направлении: почему не приходят на свидание, отчего нет писем? При известной нам психологической особенности чрезвычайно медленного течения времени в тюрьме, когда «день подoben году» (О. Уальд), и при отсутствии внешних впечатлений, эта мысль занимает все сознание заключенного. Из часа в час, каждую минуту тревога гложет сердце: живы ли близкие, здоровы ли они, все ли там благополучно.

Мельшин категорически утверждает, что «человек, лишенный свободы, страдающий вдали от близких ему людей, бывает очень мало склонен объяснить их молчание какими-либо нормальными, естественными причинами: ему грезится болезнь, смерть, забвенье, и ходит бедный узник, мрачный, со смертью на душе»². Если, по описанию Мельшина, тревоги, ожидания писем смерть, то для некоторых других они даже хуже смерти: они – медленная их пытка, тяжкая своей изоциренностью. У заключенного «нет сил ни за что взяться». Всякие утешения и самоутешения бесполезны. Нервы становятся все хуже³. Слух напрягается до крайней степени. Он направлен только в одну сторону не вызывая ли коридорного особым свистком в канцелярию; если вызывают, то не для раздачи ли писем; не приближаются ли к камере шаги дежурного. При этих шагах разом охватывает надежда и опасение, рука замирает над работой; шаги все ближе, а потом опять тише, они удаляются, и вспыхнувшая надежда гаснет так же быстро, как она загорелась, чтобы затем снова не один раз вспыхнуть и опять погаснуть. Мрачные опасения за судьбу близких накладывают свою печать на самую внешность заключенного. Даже в общей камере, где можно скорее развлечься и отдохнуть от терзающих опасений, заключенный становится угрюмым и необщительным. Его характер меняется до неузнаваемости⁴. Получение писем возвращает узника в его прежний вид. Те же самые чувства испытываются и при напрасных ожиданиях свидания. Это прекрасно подтверждают все имеющиеся у нас материалы: арестантские письма, ответы на нашу анкету, печатные источники. Сходство переживаний замечается нами как у высокоразвитых, так и у малограмотных. Конечно, в отдельных случаях наблюдаются различные степени испытываемых лишений и страданий. В зависимости от

¹ Мельшин. Из мира отверженных. Т. II. С. 198.

² Мельшин. Из мира отверженных. Т. II. С. 198.

³ Александров. Три года в одиночной тюрьме. С. 49.

⁴ См. Мельшин. Из мира отверженных. Т. II. С. 198.

уровня развития заключенного и его темперамента находятся и выражения испытываемых им чувств. Но эти различия, так сказать, количественного, а не качественного порядка. Пусть Роза Люксембург, радуясь полученному, наконец, от Софьи Либкнехт письму, ограничивается лишь иронией, что «письма в Нью-Йорк доходят скорее, чем до нас в тюрьму»⁵. Сквозь этот иронический смех мы слышим и видим сдерживаемые слезы. У одних они больше на виду, у других меньше, у третьих их совсем не видно, но внутри, в душе они имеются у всех. Выслушаем самих заключенных:

«Сейчас сижу, пишет один из заключенных, и заливаюсь горькими слезами. Невыносимо тяжело. Чувствую, что не видать тебя для меня равносильно смерти, и я так долго не выдержу».

Полуграмотный, заключенный в одиночную камеру, умоляет брата прийти к нему на свидание в тюрьму или по крайней мере прислать ему отрицательный ответ и пишет: «а то на рубашке удавлюсь, что от вас нет писем».

Сын просит мать написать ему, «а то болит грудь и страдает душа, потому что от тебя писем нет».

Заключенный пишет своей жене: «Я чувствую себя, как мальчик, не получивший подарка на Рождество, если не получаю писем от тебя».

Другой жалуется: «День кажется за год, да ты еще не ходишь».

Подследственный пишет брату: «В тюрьме мне сидеть без всяких весточек лучше быть убитым».

Сын пишет отцу: «Жду тебя, как светлого Христова воскресения».

Крестьянин умоляет прийти к нему: «Жду тебя как бога. Войди ты в мое положение и вспомни обо мне. Как я страдаю и скучаю по вас, мои родные! Не бросайте меня. Пришлите мне письмо и пропишите мне, что у нас в деревне новенького».

Из письма сына к матери: «Что со мной делается? Как я стал скучен, не могу ума приложить: меня мучает мысль, когда я буду возле тебя. В душе что-то жуткое и печальное. Я долго-долго буду вспоминать происшедшее. Лучше бы не жить на свете. Если бы не ты, моя дорогая мамочка, то совсем меня и успокоить некому. Но ты у меня дороже всею на свете, и когда ты у меня на свидании, то я даже теряюсь и не знаю, что говорить».

Только что заключенный в тюрьму пишет: «Я положительно начинаю сходить с ума. Нервы положительно не выдерживают всего этого кошмара. Я не вынесу всей этой тюремной обстановки. Если ты придешь ко мне, я хоть немного успокоюсь. Как мне хочется тебя видеть, как безумно хочется слышать твой столь знакомый и дорогой мне голос».

Жене, которая не пришла в тюрьму на свидание: «Ты знаешь, как тяжело все это переживать. Или это для тебя безразлично? Ты делаешь какие-то попытки мне. Спасибо тебе за все. Продолжай издеваться. Это очень к тебе идет. Ты привыкла обманывать меня. Или теперь время настало такое, что за добро платят злом и сытый не хочет голодного понять?»

Письмо другого заключенного к сестре: «Если не хотите ходить, я не заставляю вас насильно. Тогда я перестану о вас беспокоиться. Может быть, я вас обременяю, что иногда прошу денег. Но, сестрица Клавдия, ты можешь ничего не носить: мне только радость увидеться с тобою и узнать, как ты живешь». Тот же самый мотив в письме заключенного, который благодарит за принесенные продукты и пишет: Я не знал, что ты такая добрая, но ты была бы еще добрее, если бы писала мне чаще».

Полно тоски письмо заключенного к жене: «Я жду: вот ты придешь ко мне поговорить. Хоть бы одним глазком взглянуть на тебя и показаться самому и услышать хоть несколько теплых, ласковых твоих слов! Умоляю тебя, приди ко мне хоть на минутку. Ведь я без тебя жить не моту. Очень хочу на свободу видеть тебя и родных. Боже, если бы ты знала, как я мучусь и страдаю в тоске по тебе! Ведь больше чем три недели я не видел тебя и не слышал

⁵ Роза Люксембург. Письма из тюрьмы.

твоего голоса. Ах, скорее бы, скорее бы исходили дни тусклые, а на смену бог дал бы счастье! Неужели он не услышит моих молитв и не даст увидеть тебя и быть с тобою до гроба? Мне кажется, что я не видал тебя годы. Дни мои проходят очень тяжелыми и кажутся длинными».

Настоящим отчаянием дышит и письмо Карла Либкнехта к его жене, когда он узнал об ее колебаниях, следует ли ей прийти к нему на свидание: «Почему же, моя дорогая, это нежелание меня навестить? Боязнь моего нахмуренного лба? Словно я рыкающий гарканокий лев, в глазах которого кровь и смерть. Все это глупости, не правда ли? Ты придешь? Ты должна приехать (если возможно, в субботу...). И спроси сперва разрешение именно на этот день, ты получишь его сразу же... Ты должна приехать, ты должна, дорогая, должна ради меня и ради себя. Ведь до июля мы не увидимся. Это было бы мучением и для тебя, и для меня. Это значило бы утроить мое заключение, и я знаю свести на нет твой отдых. И потому ты должна приехать на этот раз одна. Я хочу, чтобы мы были только одни».

Таковы письма заключенных с их сетованиями, жалобами, просьбами, мольбами, убеждениями, стонами, воплями, отчаянием к тем, кто им не пишет, кто к ним не ходит. Эти письма не пустые слова. Они не ложь и кривлянье. В них отнюдь нет преувеличения испытываемых лишений и страданий. Наоборот, у малограмотных уголовных преступников не хватает умения найти достаточно яркие и сильные слова, чтобы изобразить всю силу испытываемых ими страданий в ожидании писем и свиданий. «Лучше смерть», «лучше быть убитым», «это пытка», «я удавлюсь» – эти слова вполне искренни. Если бы жизнь внутри тюремных стен не скрывалась от общества, мы знали бы, вероятно, случаи, когда указанные нами угрозы самоубийством приводились в исполнение. Об одном случае самоубийства, вызванном, между прочим, запрещением всякой переписки, знает история, русской политической ссылки. Один из первых узников Кавказской каторжной тюрьмы, помощник прис. поверенного С. С. Семяновский (отбывавший наказание одновременно с Шишко, Чарушиным, Квятковским и др.), начинает свое предсмертное письмо к отцу с сообщения о запрещении ссылкой переписки с кем бы то ни было, даже с родителями. Называя это запрещение бессмысленным и бесчеловечным и сообщая о других новых тягостях каторги, он нарушил запрет переписки своим последним письмом, в котором извещает отца о своей собственной смерти.

Вместе с тревогой ожидания писем у заключенных пробуждается и злоба против тюремной администрации. Они обвиняют ее, и очень часто с полным основанием, в канцелярской волоките, в неаккуратной передаче уже полученных писем, в накоплении их, чтобы накопилось их побольше, процenzуровывать их все сразу. Нередко все тревоги и опасения узника, не получающего письма, кончаются вручением ему нескольких штук их, накопившихся за те недели, которые узник, провел в мучительных волнениях. У Александра можно найти признание в настоящем чувстве мести, которое он питал к прокуратуре и тюремной администрации за эту задержку писем. Он строил даже планы мести им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.